

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Этика

Цель – рассмотрение вопросов нравственной философии в учениях Демокрита, Сократа и Платона.

План

1. Демокрит – моралист.
2. Сократ о добродетели.
3. Платон о справедливости и удовольствии.

Ключевые слова: мораль, добродетель, совершенство, счастье, удовольствие, справедливость, мудрость.

Данная лекция посвящена этическим вопросам античной философии, рассмотренным Энтони Кенни в восьмой главе его книги.

Среди высказываний, приписываемых древнегреческим философам, многие имеют моральное содержание. Фалесу, например, приписывают раннюю версию выражения «делай, как бы ты сделал»; на вопрос: «Как мы могли бы жить лучше?» он ответил: «Если бы мы сами не делали того, в чем обвиняем других». В более двусмысленной версии, когда спросили у изменника, может ли он поклясться, что был невиновен, он ответил: «Ну, лжесвидетельство – это не хуже, чем прелюбодеяние». Пророческие высказывания подобного рода можно найти у Гераклита: «это не хорошо для человека, получать все, что он захочет», «характер человека – его судьба». Другие философы занимали определенные позиции в нравственных проблемах: таким образом, Эмпедокл был противником мясоедства и принесения в жертву животных. Но до Демокрита мы не находим признаков философа с определенной моральной системой.

Демокрит был красноречив на этические темы: шестьдесят страниц его фрагментов, как записаны в Дильс-Кранц, посвящены моральным советам. Многие из этого имеют весьма неприятный характер: не берите на себя задачи выше вашей власти, не завидуйте богатым и знаменитым: подумайте обо всех людях, которым хуже чем вам, и будьте довольны своей участью. Не пытайтесь знать все, или вы ничего не узнаете. Не вините неудачу, когда все идет не так по вашей собственной вине: вы можете не утонуть и научиться плавать. Тот, кому повезет, в зяте приобретет сына, тот, кому не повезет, потеряет дочь.

Иногда советы Демокрита более противоречивы. Лучше не иметь детей: хорошее воспитание требует больших хлопот и забот, а видеть, как они плохо растут, – самая жестокая из всех болей. Если вы должны иметь детей, примите их от ваших друзей, а не порождайте. Таким образом, вы можете выбрать тип ребенка, который вы хотите, в то время как в обычном порядке вы должны мириться с тем, что вы получите.

Начиная с Платона, были философы, которые презирали тело как то, что развращает душу. Демокрит придерживается противоположного взгляда. Если тело в конце жизни могло бы подать в суд на душу за болезни и страдания, справедливый судья был бы на стороне тела. Если некоторые части тела были повреждены запущенностью или разрушены развратом, то в этом была виновата душа. Может быть, вы думаете, что тело не больше, чем инструмент, используемый душой: хорошо, но если инструмент находится в плохом состоянии, виноват не инструмент, но его владелец.

Моральные взгляды Демокрита дошли до нас как серия афоризмов, но есть некоторые доказательства того, что он разработал систематическую этику, хотя это неясно, какое отношение, если таковое имеется, оно имело к его атомизму. Он написал трактат о цели жизни и о природе счастья (eudaimonia): оно должно было быть найдено не в богатстве, а в благодати души, и нельзя получать удовольствия от смертных вещей. Надежды образованных, по его словам, были лучше, чем богатства невежественных. На самом деле идеалом Демокрита была бодрая жизнь в спокойном удовлетворении. По этой причине он был известен более поздним векам как смеющийся философ. Он восхвалял воздержание, но не был аскетом. Бережливость и пост хороши, – говорил он, – но так же хорош и пир; труднее всего найти правильное время для каждого из них.

В некотором роде Демокрит определил повестку дня для последующих греческих мыслителей. Он поставил поиски счастья в центр нравственной философии, а за ним последовали почти все моралисты древности. Когда он сказал: «причина греха – это незнание того, что лучше», он сформулировал идею сократовской нравственности. Опять же, когда он сказал, что лучше быть обиженным, чем делать неправильно, он произнес мысль, которая была разработана Сократом в принципе, что лучше страдать неправильно, чем причинять зло – принцип, несовместимый с влиятельными моральными системами, которые побуждают судить о действиях только по их последствиям, а не по личности их агентов. Другие его замечания, если их принимать всерьез, достаточны для того, чтобы опрокинуть целые этические системы. Например, когда он говорит, что хороший человек не только воздерживается от правонарушения, но даже не хочет делать неправильно, он противопоставляет себя распространенному мнению, что добродетель находится на самом высоком уровне, когда она одерживает победу над страстью.

Демокрит не исследовал, однако, самую важную концепцию из всех древнеэтических: то есть, «arete», или добродетель. Это греческое слово не соответствует ни одному английскому слову, и по традиции научного перевода чаще заменяется на слово «превосходство» (excellence). «Arete» – это абстрактное существительное, соответствующее прилагательному «agathos», самое общее слово для выражения «хорошо». Кенни пользуется традиционным переводом «arete», справедливо замечая, что это далеко не идеальное раскрытие содержания этого понятия. Дело не только в использовании идиом: здесь раскрывается концептуальное различие между древними греками и современными западниками в исследовании нравственности. И это различие между двумя концептуальными структурами придает огромное значение изучению нравственной философии Античности.

Именно Сократ инициировал систематическое исследование природы добродетели; он поместил его в центр как нравственной, так и всей философии. В «Критоне» его собственное принятие смерти представлено как мученичество за справедливость и благочестие. В сократических диалогах добродетели становятся предметом подробного рассмотрения: набожность (hosiotetes) в «Евтифроне», умеренность (sophrosyne) в «Хармиде», стойкость (andreia) в «Лахете», и справедливость в первой книге «Государства» (которая, скорее всего, начала свое существование как отдельный диалог – «Фрасимах»). Каждый из этих диалогов следует аналогичной схеме. Сократ ищет определение соответствующих добродетелей, а другие персонажи, в качестве ответов на вопросы Сократа, предлагают ему различные определения. Перекрестный допрос (elenchus) заставляет каждого из главных героев признать, что их определения недостаточны. Сократ, однако, не дает более удовлетворительных определений, чем его собеседники, и каждый диалог заканчивается безрезультатно.

Ремесло невежества, которое Платон вкладывает в уста Сократа посредством этих диалогов, не означает, что Сократ не имеет убеждений о моральной добродетели, – говорит Кенни, – скорее, это означает, что устанавливается очень высокий порог определения знания. В этих диалогах Сократ и его собеседники часто задаются вопросом, могут ли конкретные действия считаться примером соответствующей добродетели, или должна существовать определенная формула добродетели? Кроме того, Сократ в ходе обсуждения отстаивает ряд существенных тезисов как о добродетелях в частности (например, что никогда нельзя вредить никому), так и о добродетели вообще (например, что она всегда должна быть благом для его обладателя).

Например, в «Евтифроне» мы видим, что благочестие есть угождение богам, это правильно, но неточно, – пишет Лосев А.Ф. в своих «Комментариях к диалогам Платона». – И то, что благочестие есть стремление к справедливости, – это тоже правильно, но опять-таки односторонне. И наконец, то, что благочестие есть молитва и жертвоприношение, тоже верно, но опять-таки неточно. Все эти моменты общего понятия благочестия, которые правильны, но односторонни, возникают только потому, что дающий эти определения взирает на некую общую идею как на некоторого рода первообраз и формулирует отдельные частности такого первообраза. Следовательно, как и в «Лахете», в «Евтифроне» не только делается упор на предельную общность как на принцип конструирования частных, но и сама эта предельная общность понимается как их общая идея, в которой эти частности тоже конструированы и, в то же самое время, находятся в определенном соотношении, т.е. образуют собой единую структуру.

Не только общность сказывается в своих частностях, но и эти частности сохраняются в своей общности, образуя единую с ней структуру. При этом подчеркивается интуитивная данность этой структуры, поскольку и термин «идея» (который, между прочим, употребляется Платоном здесь впервые) этимологически связан с процессом интуитивного видения, и частности возникают здесь опять-таки в результате созерцания этого исходного первообраза.

Для определения мужества, например, необходимо учитывать и то, что это есть стойкость души, и то, что это есть разумная стойкость, и то, что это есть добродетельная разумная стойкость, и что цель этой стойкости полагается в том будущем, которое этой стойкостью достигается. Все это моменты, о которых нельзя сказать, что они совсем не имеют никакого отношения к сущности мужества. Все они необходимы, все они действительно способствуют получению подлинного определения, но все они односторонни. Определяемое выше всех этих отдельных определений, оно прежде всего выше своего применения к отдельным моментам времени, хотя в них оно обязательно осуществляется как некоторого рода вневременная целостность. И о том, что здесь преследуется прежде всего проблема целостности, говорится в диалоге не раз. При этом такого рода целостность, обнимающая собой прошедшее, настоящее и будущее время, тщательно противопоставляется в диалоге прорицаниям и гаданиям, т.е. она обладает характером только логическим, а значит, понятийно-точным.

В расспросах о природе добродетели, Сократ регулярно использует практику сравнения ее с техническими навыками или ремеслами, такими как плотничество, навигация, или медицина, или с такими науками, как арифметика или геометрия. Многие читатели, древние и современные, находят сравнение странным, – отмечает Кенни. Воистину, знание и добродетель – это две совершенно разные вещи, одна – это вопрос интеллекта, а другая – дело воли. В ответ на это можно отметить две вещи.

Во-первых, если мы можем провести четкое различие между интеллектом и волей, то это потому, что мы наследники многих поколений философской рефлексии, которой дали первоначальный импульс Сократ и Платон.

Во-вторых, есть действительно важные сходства между добродетелями и формами знания. Оба, в отличие от других свойств и характеристик человечества, являются приобретенными, а не врожденными. Оба являются ценными чертами человека: мы восхищаемся людьми за их мастерство и за их добродетели. Оба, по утверждению Сократа, полезны для их обладателей: чем больше у нас навыков и добродетелей, тем лучше мы становимся.

Сократ считает, что все люди стремятся совершать хорошие поступки и быть счастливыми: именно для этого люди хотят иметь здоровье, богатство, силу и честь. Но эти вещи хороши, только если мы хорошо знаем, как их использовать; при отсутствии этих знаний они могут принести больше вреда, чем пользы. «Знание о том, как лучше всего использовать то, чем обладаешь, – мудрость (phronesis), и это единственное, что действительно хорошо». Мудрость – это наука о том, что хорошо, а что плохо, и она идентична добродетели – со всеми достоинствами.

Причина, по которой нет учителей добродетели, не в том, что добродетель не является наукой, но что этой наукой невероятно трудно овладеть. Отдельные добродетели – части этой науки, но ею можно овладеть только как единым целым. Никто, даже Сократ, не владеет этой наукой.

Ученые не сошлись во мнении, что Сократ всерьез считал гедонизм ответом на вопрос «что такое добродетель?» Считал Сократ так, или нет, но, Платон, конечно, точно так не считал. В предыдущих лекциях мы рассматривали различные аспекты диалога «Государство». Основное его содержание касается природы и ценности справедливости. Но в ходе рассмотрения этого понятия исследование расширяется, охватывая почти все главные – как их понимает Платон – вопросы философии, – говорит нам А. Ф. Лосев. При этом те из них, решение которых необходимо для выяснения понятия справедливости, не ограничиваются сферой этики и политики. Это вопросы об истинно сущих причинах бытия всех вещей («идеях»), о высшей из них – идее «блага», о природе человека (душа, познавательные силы души, отношение души и тела, вселение души в тело и ее судьба после смерти человека), об общественной связи между людьми, о происхождении государства и разрядов его граждан, наконец, о том, каким должно быть образцовое государство, кем и каким образом оно должно управляться, какой должна быть наиболее пригодная для его граждан система воспитания и обучения, каким должно быть

разрешаемое его властями искусство и т. д. По многосторонности философской и научной задачи, разработанной в «Государстве», диалог этот может считаться изложением всей системы Платона зрелого периода его жизни и деятельности, за исключением космологии, изложенной в «Тимее» – позднем сочинении Платона, и диалектики, изложенной в «Пармениде» и «Софисте».

Название сочинения «Государство» (или «О государственном строе») могло бы показаться слишком узким по отношению к его содержанию. Однако оно вполне понятно.

Во-первых, в эпоху Платона в греческой философии не было еще понятия и соответственно термина, выражающего позднейшее понятие системы. Да и композиция диалога не отвечает форме системы: переход от вопроса к вопросу обусловлен не столько строго логическим и систематическим построением и изложением содержания, сколько свободным движением мысли в ходе беседы.

Во-вторых, – и это значительно важнее – название диалога определяется чрезвычайно существенной чертой древнегреческого мышления и мировоззрения, свойственной не только одному Платону. Состоит она в убеждении, что свободный член общества неотделим от государственного целого, которому он принадлежит, и что в зависимости от этой связи и по ее образцу должны решаться все основные вопросы философии.

Кенни обращает наше внимание на некоторые детали этого диалога. Братья Платона Главкон и Адимант выдвигают две проблемы: Главкон хочет, чтобы ему показали, что справедливость – это не просто способ избежать зла, а нечто ценное само по себе. Адимант хочет, чтобы ему показали, что помимо каких-либо вознаграждений или санкций, справедливость так же предпочтительнее несправедливости, как зрение предпочтительнее слепоты, а здоровье – болезни.

В диалоге Сократ представляет свой ответ, излагая аналогию между душой и городом. В его воображаемом городе добродетели распределены между различными классами: мудрость города – это мудрость его правителей, его мужество – это мужество его солдат, а его умеренность – это подчинение ремесленников правящему классу. Справедливость – гармония трех классов: она состоит в том, что каждый гражданин, и каждый класс, должны делать то, для чего они больше всего подходят. Три части души соответствуют трем классам в государстве, и добродетели в душе распределены как добродетели в государстве. Справедливость является также гармонией психических элементов. «Если каждая часть души будет правильно выполнять свою функцию, тогда каждый из нас будет справедливым человеком, правильно выполняющим свои функции».

Если справедливость – это иерархическая гармония элементов души, то несправедливость и всякие пороки происходят, когда низшие элементы восстают против этой иерархии. Справедливость и несправедливость в душе подобны здоровью и болезни в теле. Соответственно, абсурдно спрашивать, является ли более полезным жить справедливо или поступать несправедливо. Все богатство и власть в мире не могут сделать жизнь полноценной, когда организм охвачен болезнью. Можно ли говорить о полноценной жизни, если душа – принцип жизни, неменяема или повреждена?

Если справедливость – это психическое здоровье, то каждый должен действительно хотеть быть справедливым, так как каждый хочет быть здоровым. Это хорошо сочетается с сократическим тезисом о том, что никто не ошибается нарочно, и порок, по своей сути, – это невежество.

Однако вывод, сделанный в конце 4 книги «Государства», является только временным, потому что он не ссылается на великую платоновскую инновацию – Теорию идей. После того, как роль идей была изложена в средних книгах диалога, нам представляются пересмотренные взгляды об отношениях между справедливостью и счастьем. Справедливый человек счастливее несправедливого, не только потому, что его душа в согласии, но и потому, что гораздо восхитительнее наполнять душу пониманием, чем кормить жиром желания аппетита. Разум уже не та способность, которая заботится о человеке, он сродни неизменному и бессмертному миру истины.

Платон возвращается к теме счастья и наслаждения в диалоге «Филеб». Один из персонажей, Протарх, утверждает, что удовольствие – величайшее благо; Сократ противостоит этому, считая, что мудрость превосходит удовольствие и больше способствует счастью. Диалог дает

возможность для широкого обсуждения различных видов удовольствия. В конце дискуссии точка зрения Сократа одерживает верх, потому что, по хорошо продуманной классификации вещей, даже самые лучшие удовольствия находятся ниже мудрости.

Самая интересная часть диалога содержит следующий аргумент: ни удовольствие, ни мудрость не могут быть сутью счастливой жизни, и только жизнь, в которой есть и удовольствие, и мудрость, была бы действительно полноценной. В конечном счете, благо состоит в гармоничном соотношении удовольствия и мудрости.

Вопросы для закрепления темы

1. Как вы думаете, почему до Демокрита в античной философии не было систематизированных учений о нравственности?
2. Что находится в центре нравственной философии Демокрита?
3. Почему Сократ сравнивает добродетели с различными техническими навыками людей?
4. В чем сходство и различие между знанием и добродетелью, по Сократу?
5. В чем причина того, что нет учителей добродетели?
6. В чем заключается суть аналогии между душой и городом, которую приводит Сократ?
7. Как соотносятся справедливость и счастье в теории идей Платона?
8. Как соотносятся мудрость и удовольствия, по Платону?

Литература

1. Anthony Kenny. *Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.* – Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
4. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
5. Платон. Диалоги. – М.: Академический проект. – 2017.
6. Adler, M. *Aristotle for everybody. Difficult Thought Made Easy.* Published June 1st 1997 by Touchstone (first published 1978).
7. Лосев А.Ф. Комментарии к диалогам Платона. – М., Мысль, 2005.